



Андрей Кубрин

Эссе.
Кристина

Андрей Кубрин

Эссе. Кристина Россетти

<https://litres.ru/73462668>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эссе. Кристина Россетти. 1830 -1894.

Подробно о жизни, друзьях и родственниках, литературных связях, круге общения, тайнах девичьего сердца. О Семьях Полидори и Россетти. Поэзия Кристины Россетти, сонеты, Ярмарка гоблинов. О музыке на тексты Кристины Россетти. Незаменимая вещь для реферата.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эссе. Кристина Россетти

Глава

Christina Georgina Rossetti

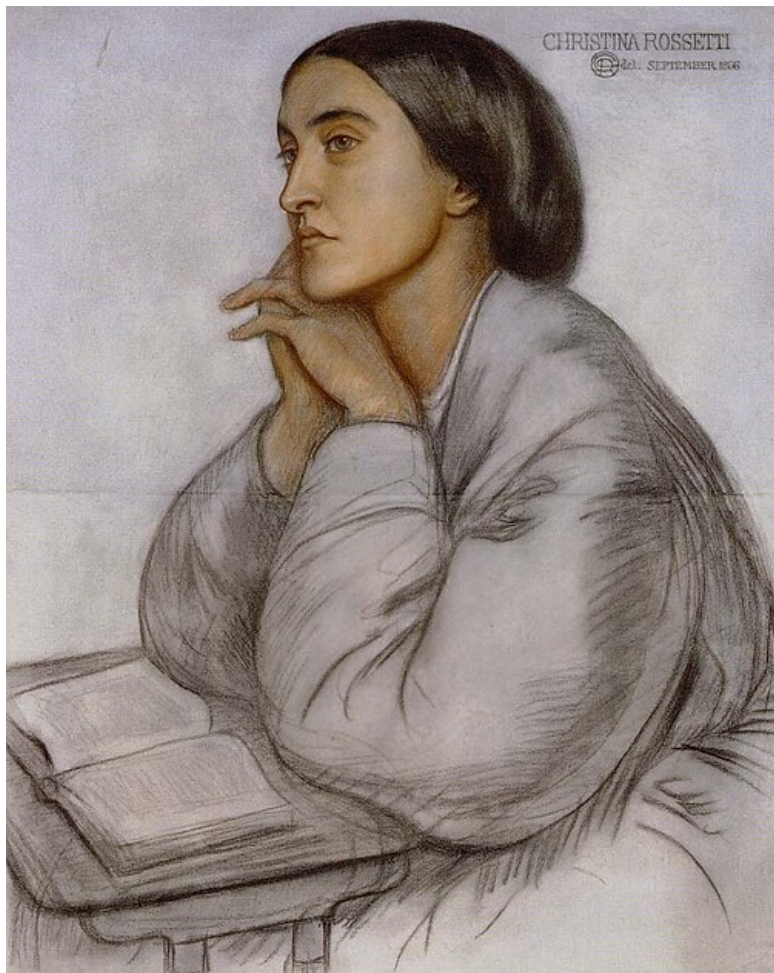
Россетти

,

Кристина

Джорджина

1830 – 1894.



1866. Д.Г. Россетти.

Предисловие автора. Параллели.

При создании данного эссе ни один ИИ не пострадал (шутка).

Души былого. Они любили, ненавидели, мечтали и творили. Они жили. Миллионы ушедших. Куда? Мы никогда не узнаем. Большинство кануло в пучину времён без следа. Но есть те, кто остался в своих творениях, сохранился в бескрайнем и бурном духовном океане, ноосфере или в электромагнитных волнах, летящих в бесконечность, как это ни назови. Они оставили подсказку, глазок в мир творчества, борений, восторгов и катастроф. Их призраки с нами, одних можно вызвать и пообщаться через толщу прошедших лет, услышать их слова, увидеть мир их глазами. Другие, словно Кентервильское привидение, докучают незванные.

Как понять ребенка, обводящего охрой ладошку в первобытной пещере, скульптора, изваявшего Давида, художника, изобразившего загадочно двусмысленную улыбку Иоанна Крестителя. Понять, примерить на себя, попытаться хотя бы приблизиться к духовному миру творца? Что он хотел сказать нам, именно нам, сегодняшним. Зачем бросил своё дерзание в вечность?

Кристина Россетти. Викторианская Англия. Старая дева до седых волос, создающая сонет за сонетом и трижды отказавшаяся от брака из-за религиозных соображений. Как

чумы чуравшаяся плотской любви и многие годы помогавшая проституткам. Не имевшая детей и сочинявшая чудесные детские стихи-песенки. Мы далеки от материальных реалий девятнадцатого века и одновременно необычайно близки к нему духовно. Люди викторианской эпохи в цилиндрах и корсетах, фраках и юбках до земли не имели гаджетов, писали при свечах или тусклом газовом освещении, но именно на девятнадцатый век пришелся расцвет литературы как элемента массовой культуры. Это был век духовных исканий, необычайного расцвета интеллектуальных возможностей человека, рождения новой этики и эстетики. Нравственные переживания литературных героев превращались в моральные максимы общества, а репрезентативные искусства определяли внешний вид его членов. Кристина Россетти творила во вторую половину века.

Не хватит десятка страниц, чтобы только перечислить великих литераторов той эпохи: Уилки Коллинз, опубликовавший свою первую книгу в 1847 году и его друг, Чарльз Диккенс, несколько позднее Оскар Уальд творец новой эстетики и отрицания этической направленности искусства, американец Генри Джеймс с его «Женским портретом», Достоевский. Казалось бы, какая связь между его исканиями и творчеством Кристины Россетти? Преступление и наказание публиковалось в журнальном варианте с 1866 года, портрет Кристины, помещённый в заголовке данного эссе написан её братом в 1866 году. Достоевский был одним из зачинателей

экзистенциализма и первым представителем персонализма в русской литературе. Персонализм утверждает личность как первичную творческую реальность и высшую духовную ценность. Весь мир с этой философской позиции – проявление творческой активности Бога. Мне кажется, идеи персонализма близки Кристине Россетти. Для Кристины в религии не было отвлечённых понятий, религиозные принципы определяли её ежедневные поступки и решения в критические моменты жизни.

В чём различия между высокой англиканской церковью и тракторианством, не сразу ответит и Википедия, а именно они рассорили Кристину со старшей сестрой, не дали ужиться в одном доме с невесткой, разлучили с любимыми.

Многое с той поры утеряло для нас, сегодняшних актуальность, перешло на пожелтевшие страницы редко открываемых фолиантов. Но мы всё также далеки от решения вечных вопросов: жизнь и смерть, любовь и ненависть, благородство и коварство. Возможно, решения не существует, но мы имеем возможность разделить путь духовных исканий с творцами 19 века, они оставили для нас ключи к своему миру.

Кристина осталась в том далеком времени, в параллельной вселенной, вход туда для нас невозможен. Но она смогла передать нам нечто более важное, чем собрание сонетов. Она оставила образ женщины, уверенной в своём праве творить, уверенной и подтвердившей всей своей долгой жизнью свои принципы и убеждения. Она решила пройти земной

путь именно так и ни разу не свернула с него. Зарабатывала в год нищенские восемь фунтов на редких публикациях, творила и мечтала, что её услышат. Услышат и поймут. Далась ли ей надежда на то, потустороннее счастье, не гнала ли тоска последних дней об отвергнутых «соблазнах» земной жизни, любимых, семье, детях? Кто знает...

Целевая аудитория – вопрос вопросов, стоящий перед любым автором в человеческом облике, существе из плоти и загадочной жизненной силы. Кому, кроме творца, для которого, даже не результат, сам процесс – источник неиссякаемого наслаждения и торжества, интересны его усилия? Кто разделит с Кристиной Россетти, оставшейся там, в далёкой викторианской Англии, душевные метания, стремления к моральному идеалу, радость от создания утончённых сонетов, детских стихотворений и песенок? Кристина была интересна Вирджинии Вульф, через сто лет после рождения поэтессы написавшей о ней проникновенное эссе. Её восхищал не только талант, но и жизненный путь этой женщины, ранимой и нежной, непреклонной и смелой в отстаивании своих жизненных принципов, принесшей на алтарь идеалов плотскую любовь, обыкновенное человеческое, женское счастье. Кристина была интересна многим выдающимся поэтам, художникам и писателям её времени, друживших с ней и навещавших затворницу в её доме. Интересна ли она нам, людям 21 века? Очевидно, далеко не каждому. Читайте, решайте для

себя сами.

Недалёк день двухсотлетия рождения Кристины Россетти, надеюсь, страстно надеюсь, что её произведения будут ещё читать ЛЮДИ, верящие в Бога, кем бы Он ни был, знающие, как пахнут волосики малыша и не считающие «дам полусвета», переместившихся с обочин улиц в смартфоны и планшеты, куском плоти с ценником.

Глава 1.

Жизнь.

Кристина Россетти родилась в Лондоне 5 декабря 1830 года на Шарлотт-стрит, 38 (современная Халлам-стрит, 110), в семье итальянского поэта Габриэля Россетти, с 1824 года находившегося в политической эмиграции в Лондоне, и Фрэнсис Полидори. Она была младшей из четырёх их детей. Довольно зажиточные в то время, Россетти были частью среднего класса. Франсис Лавиния, мать Кристины, работавшая до замужества гувернанткой, происходила из намного более зажиточной семьи, чем её отец Габриэль Россетти

Из проказливого и живого ребенка она превратилась в достойную представительницу замечательной семьи интеллектуалов, художественных натур и, унаследовав многие творческие тенденции у своего отца, блестящее знание итальянского и французского языка у матери, сама рано проявила поэтический талант.

К. Россетти провела детство в двух местах: Шарлот Стрит и Холмер Грин. Её родители купили дом на Шарлот Стрит в Лондоне, когда поженились. И все их четверо детей родились именно здесь. В 1836 году Габриэль решил, что семье необходимо перебраться в более просторный дом на той же улице. Они переехали из дома № 38 в №50. Габриэль писал в письме другу: "Я был обязан сменить дом, так как моя семья достигла этапа, когда необходимо отделить мальчиков от девочек любой ценой, а в старом доме мы этого сделать не могли."

Как пишет в своей книге "Повседневная жизнь в викторианской Англии" Митчел, семьи верхнего среднего класса жили в домах с не менее чем десятью комнатами. Дом Россетти, чьё финансовое положение резко менялось с течением лет, отвечал требованиям дома верхнего среднего класса. В нём было две комнаты на первом этаже, две на втором, пять или шесть спален на третьем и четвёртом и кухня в подвале.

Семья Россетти проводила много времени и в коттедже деда в деревушке Холмер Грин Holmer Green. Кристина и её сёстры иногда приезжали сюда только в сопровождении матери, оставляя Габриэля, снимавшего жильё в Лондоне, одного. Позднее, оставив преподавание, он перебрался в деревню на постоянное жительство.

Дед Кристины по материнской линии был, несомненно, человеком оригинальным. Он органично сочетал литературную работу, преподавание итальянского языка, эзотерику с

разведением свиней и столярным ремеслом. Из окон своего коттеджа дедушка постреливал по птичкам, которых затем в виде жаркого подавали к столу. Ему принадлежал достаточно обширный участок земли, где даже нашлось место небольшому пруду, в котором братья Кристины Данте и Майкл с увлечением охотились на лягушек.

Холмер Грин - небольшая деревушка в 32 милях от Лондона. Каким приключением было для внуков путешествие в сельские дебри на повозке, запряженной четвёркой лошадей! Кристина очень любила дедушку, биограф Кристины – брат Майкл допускает, что её чувства к деду были даже более тёплыми, чем к отцу.

Кристина позже признавалась другу Маккензи Беллу Maskenzie Bell , что сад на Холмер Грин сильно воздействовал на её воображение. Тут она соприкоснулась с природой и различной живностью, которая затем часто появлялась в её стихах. Ёжики, зайчики, птички и особенно ягнятки обильно населяют её детские стихи. Время, проведённое с дедушкой в деревне, дало Кристине возможность глубоко почувствовать покой и тихую прелесть природы, столь близкие её романтической душе. Парадокс заключается в том, что большую часть жизни Кристина провела в четырёх стенах лондонского дома.

Позднее семья деда переехала в район Рейджент Парка в Лондоне Reagent's Park in London. Коттедж, по описанию Габриэля, был великолепен: "с мраморными, отделанными по-

лированной сталью каминами и водостоками, которым, по утверждению хозяина, не было равных во всём Лондоне". Габриэль добавлял: "Наш прежний дом – могила по сравнению с нынешним".

Большую же часть жизни Кристина провела в доме 30 на площади Торрингтон Torrington Square. Площадь, которую Данте Габриэль прозвал "длинной", была застроена кирпичными домами, от времени, погоды и сажи потерявшими свой первоначальный цвет. Несмотря на то, что Кристина по характеру была затворницей, друзья Данте Габриэля Россетти, весь круг прерафаэлитов, многие известные писатели, поэты, художники навещали её в этом доме. Одним из них был Маккензи Белл, написавший впоследствии книгу о Кристине Россетти. Вот что пишет он об упомянутом выше доме 30: "Я всегда чувствовал, что дома, населённые людьми с идиосинкразией или гениями, необъяснимым образом приобретают свойства их хозяев, и никогда это чувство не было более сильным, чем в доме Кристины Россетти. Большинство её лучших работ отмечены спокойствием и контролируемой, хорошо упорядоченной печалью, и пусть меня не считают фантазёром, когда я утверждаю, что именно этой атмосферой было пропитано жилище Кристины." (Henry Thomas Mackenzie Bell (1856 – 1930) английский писатель, поэт и литературный критик. Известный путешественник, он был знаком со многими литераторами в Англии и за границей. Личный друг Кристины Россетти и автор её биографии).



Спальня Кристины.

Эта драпированная шелками дамских тонов – сумеречно-голубого, туманного серо-коричневого и медного спальня – поразительное место, свидетельствующее об итальянских корнях Кристины и её озабоченности любовью и мирской красотой. Прекрасная французская кровать с балдахином, самая старая в доме, была изготовлена в 1600-х. В то давнее время бытовали очень короткие кровати "половинного размера", в которых не рекомендовалось спать людям выше 5 футов 10 дюймов ростом. Никаких кроватей "королев-

ского" размера в то время не было. В спальне красивая резная полка и комод, прекрасное итальянское зеркало в резной раме. Комната словно пропитана мечтательной романтикой.



Кристина Россетти (портрет кисти Данте Габриэле Россетти)

Судя по её до некоторой степени идеализированным изображениям, исполненным её братом Габриелем Россетти, Кристина – подросток была очень привлекательна, и даже красива. В возрасте 18 лет она позировала для картины Россетти *The Girlhood of Mary Virgin (for Mary)*, а в 20 лет в том же образе для *Esse Ancilla Domini*.

В 1848 году она обручилась с Джеймсом Коллинзом, одним из малоизвестных членов братства Прерафаэлитов, но помолвка была расторгнута после его обращения в католицизм. Кристина же разделяла со своей старшей сестрой Марией набожность и суровое самоотречение Англо-католического толка, что вступало в противоречие с её желанием приобрести известность как поэтессы. Пытаясь примирить данные до некоторой степени противоречивые тенденции, Кристина много времени уделяла распространению христианских знаний, активно занималась благотворительностью, её поэтический шедевр *Goblin Market* возник из опыта работы по социальной адаптации бывших проституток.

Привычки Кристины были просты, она поднималась рано, обедала в час или два, третий раз пищу принимала вечером. Предполагали, что простота и организованность её жизни во многом обуславливали способность восстанавливаться после болезни, зачастую удивлявшую докторов. Простота –

определение, очень часто применявшееся к Кристине. Даже в выборе одежды она не изменяла своим принципам.



Когда Маккензи Белл впервые увидел её, на ней было чёрное шелковое платье и никаких украшений. Мрачность наряда несколько скрашивалась только простенькими белыми оборочками на шее и запястьях. Мистер Шери описывал её платье, как квакерское из-за простоты покроя и скромности материала. Причиной такой скромности была, безусловно,

определенная материальная несостоятельность. Но не только. Абсолютное отсутствие тщеславия, в котором просто-напросто не было нужды – вот та причина, которая позволяла ей пренебречь необходимостью, да и желанием облачиться в пышное платье и дорогое украшение. Ведь ей и так всю жизнь говорили, что она красавица.

Да, в 1840-х семья Россетти столкнулась с финансовыми трудностями: в 1843 году у Габриэля Россетти развился хронический бронхит, появилось подозрение на туберкулёз, он стал стремительно терять зрение. В 1853 году отцу Кристины пришлось отказаться от преподавательской должности в Королевском колледже. Когда из-за ухудшившегося здоровья профессор Россетти в 1853 году ушёл в отставку, Кристина и её мать пытались организовать частную школу, но через год отказались от этой затеи по финансовым причинам. Отец Кристины прожил ещё 11 лет, все эти годы страдая от депрессии, но здоровье его уже не восстановилось. В то время старшая сестра Кристины Мария Франческа вынуждена была работать гувернанткой – подобная перспектива приводила Кристину в ужас, Уильям Майкл работал в акцизном управлении, а Данте Габриэль учился в художественной школе, поэтому значительное количество времени Кристина проводила дома одна. Щемящее чувство одиночества, семейные проблемы или что-то еще привели 15-летнюю девушку к нервному срыву, появились первые симптомы депрессии. Мать и сестра в это время находились под сильным

влиянием англиканства, вместе с ними и Кристина глубоко погрузилась в религию.

Впоследствии она вела довольно уединенную жизнь, монотонность которой прерывалась частыми болезнями. Диагнозы были самыми различными от ангины и бронхита до туберкулёза. Эта болезненность отчасти объясняется тем, что Кристина вынуждена была оставаться дома и ухаживать за отцом, предполагают, что болезнь была некоей формой протеста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.